

И. В. ГОЛОЛОВОВ

Институт философии
Москва

Конструирование антагонизма как форма снятия социальной напряженности¹

Тезис, заявленный в названии данного исследования, наверняка вызовет множество недо-разумений и вопросов. Если понимать социальную напряжённость как реальный или потенциальный всплеск нерегулируемого насилия в обществе, то наличие антагонизма традиционно принято считать как раз одним из наиболее ярких её выражений². Однако некоторые теоретические рефлексии понятия “социальный антагонизм” дают повод усомниться в адекватности традиционной оценки этого социального феномена. Более того, в представленной работе постулируется мысль о том, что конструирование социального антагонизма представляет собой исключительно продуктивную практику, не только нейтрализующую социальную напряженность, но и конституирующую социальную организацию в целом.

В КОНТЕКСТЕ представленной работы понятие “антагонизм” употребляется в формулировке Эрнесто Лаклау и Шантал Муф и понимается как *логическое противоречие*³. Согласно этой трактовке антагонизмом считается не конфликт двух акторов, каждый из которых обладает собственной идентичностью (именно эта трактовка ведет к представлению антагонизма как *конфликта интересов*⁴), а *невозможность достижения своей идентичности одним актором в связи с присутствием другого*⁵. Лаклау пишет по этому поводу следующее:

Исследования антагонизмов широко представлены в исторической и социологической литературе. В спектре от Марксизма до различных форм “теории конфликта” предложен целый ряд объяснений того, как и почему в обществе возникают антагонизмы. Тем не менее, это теоретическое многообразие сходится в одном общем моменте: центром дискуссий, почти исключительно, является описание антагонизмов и их происхождение. Лишь изредка предпринимаются попытки затронуть сущность нашей проблемы: что такое антагонистическое отношение? Какой тип отношения между объектами предполагает антагонизм? Позвольте обратить внимание на одну из дискуссий, (...), а именно, на дискуссию, инициированную анализом специфики социального антагонизма Люцио Колетти и его вопросом о том, какая из категорий

*“реальная оппозиция” и “противоречие” позволяют определить эту специфику*⁶.

*Колетти начинает с Кантовского различия между реальной оппозицией (Realrepugnanz) и логическим противоречием. Первое соответствует принципу несовместимости (диаметральной противоположности - contrariety) и отвечает формуле “А - В”, каждый из терминов которой обладает своей собственной позитивностью, независимой от их отношения друг с другом. Второе является категорией противоречия и отвечает формуле “А - не - А”, где отношение одного термина с другим опустошает реальность обоих. Противоречие возникает на основе следующего положения; вовлечение в противоречие возможно только на логико-концептуальном уровне. Первый тип оппозиции возникает, напротив, в области реальных объектов, так как никакой объект, являющийся реальным, не может опустошить свою идентичность в противопоставление к другому объекту; он обладает своей собственной реальностью, не зависящей от этой оппозиции*⁷.

Подобное понимание антагонизма, с акцентом на его логико-концептуальное происхождение, может быть осмыслено в рамках дискурсивного понимания социального. Естественно, что предложенное определение является результатом развития теории дискурса, представляющей общество как динамически развивающуюся систему различий между различными его элементами.

Не вдаваясь в бурную дискуссию по поводу точного определения понятия “дискурс”⁸, можно отметить, что в своей наиболее общей форме данный феномен определяется как *область различения объектов*. По этому признаку основные теории дискурса, представляющие данное понятие как область речевой практики, где вслед за Соссюром дискурсом считается любая языковая конструкция больше предложения⁹, так и трактующие дискурс как тотальность любой организованной практики - формулировка Фуко, где дискурсом, в принципе, является всё мыслимое¹⁰, не вызывают особых взаимных противоречий. Объекты речевой деятельности и объекты, допустим, социальной организации нуждаются в системной организации, снабжающей оных собственной идентичностью. Именно здесь, строго говоря, объекты и формируются как “объекты”. Область этой системной организации и определяется в данной работе как дискурс.

В контексте определённого дискурса объекты выделяются из недискретной среды окружающего мира посредством представления реальности в языковых отношениях *выражения (означающего) и содержания (означаемого)*¹¹, формирующих знаковую систему. Любой объект оказывается мыслимым, только когда он представляется как определённое единство означающего и означаемого. Мы можем сказать, что мы видим берёзу только постольку, поскольку у нас есть вербальный образ-означающее “берёза”, связанное с определённым концептом того, что есть берёза. Представим себе ситуацию, когда мы оказываемся внутри космического корабля, “нашпигованного” множеством специальных устройств. Для непосвященного человека за исключением переключателей, клавиатуры и прочих объектов, с которыми он прежде был знаком в своём повседневном быту, масса электронных приборов космического корабля будет представлять собой недискретное множество с невыделяемыми объектами. Неподготовленный посетитель не сможет определить, что перед ним находится аппарат управления второй ступенью разгонного блока или датчик внутреннего давления головного отсека. Данные приборы как объекты для него не существуют потому, что посетитель не в состоянии поместить их в языковые отношения выражения – назвать их, и содержания – определить смысл наименования, подвести под него определённый концепт.

Определённое означающее выделяется как элемент плана выражения в *логике различия* от других означающих. Соссюр показал, что в принципе позитивное определение элемента выражения не играет определяющей роли в его дискурсивном функционировании. Играя в шахматы, мы можем убрать ферзя и заменить его, например, солонкой и при этом солонка будет продолжать

выполнять функции ферзя, поскольку её негативная идентичность как не-король, не-пешка, не-конь и так далее сохранится неизменной. Подобная же логика определяет идентичность концепта. Правила движения ферзя должны отличаться от правил движения короля, слона, ладьи и так далее, в противном случае снабжать фигуру специальным именем не было бы необходимости.

Таким образом, любой объект становится объектом только как элемент определённой системы различий. Система социальных различий определяет существование специфических политических акторов, институтов, ценностей и всего того, что можно назвать объектами социального.

Однако любая система возможна как система только тогда, когда её элементы определяются не только в логике различия друг к другу, но в определённой *логике сходства*¹². Только посредством выявления определённой гомогенности системы оказывается возможным проведение различий между её элементами. Действительно, для того, чтобы определить систему различий шахматных фигур, мы должны представить их как “шахматы”, как игру, по отношению к которой все фигуры эквивалентны как “шахматные фигуры”.

Логика эквивалентности, порождающая системную гомогенность, позволяет идентифицировать систему как *целое*, обозначить основу для проведения её границы и отграничить систему от *не-системы*.

Отграничение системы от не-системы, являющееся жизненным фактором существования любой системы как таковой, возможно только тогда, когда не-система представлена элементом системы или *описана её языком*. В противном случае не-система будет “невидимой” и системная граница будет проведена на основе отделения *присутствующего, существующего от отсутствующего, несуществующего*, иными словами, это будет отделением *чего-то от ничто*.

Проблемы определения системы в логике различия с системным ничто наглядно видна на примере критики Фуко, который определяет дискурс в логике различия с вне-дискурсивным, при этом никак не конкретизируя последнее. Как показали Ховарт, Дрейфус и Рабинов, Лаклау и Муфф¹³, отсутствие внятного определения того, что находится за пределами дискурса, постоянно вводит Фуко в переопределение одних и тех же феноменов как “дискурсивных”, “внедискурсивных”, “экстра-дискурсивных” и феноменов “вторичных дискурсивных отношений”, как например, Фуко относится к проблеме безумия и прочих маргинальных системных образований¹⁴. Критика теории Фуко показывает, что с точки зрения социальной организации определение системы в логике различия с экзистенциальным ничто невозможно, поскольку очевидно, что, например, за пределами

системы родства существует не отсутствие системы, а система соседских отношений. Система питания не отменяет существование системы потребления алкогольных напитков, а существование системы экономических отношений никак не отрицает системность отношений между предметом искусства и зрителем. Социального ничто не существует там, где есть человек, куда направлен его познающий взгляд, там, где есть почва для социального исследования.

Ввиду невозможности¹⁵ системного ничто, социальные структуры организуются на основе собственного отграничения от *других* социальных структур. Как отмечал Юрий Лотман, минимальным условием существования структуры является наличие как минимум *двух разных* структур¹⁶. Именно это сосуществование и определяет идентичность отдельной, отличной от других, системы.

Взаимоопределяющие структуры не существуют изолированно. Напротив, они находятся в процессе постоянного взаимодействия. Взаимодействие двух разных структур происходит в режиме перевода значений одной системы на "язык" другой. Одно и то же содержание может быть выражено средствами различных систем. Подобно тому, как одно и то же понятие выражается разными фонетическими средствами в разных языках, социальные концепты (идеи общества и его элементов) могут быть выражены различными поведенческими средствами в разных средах и в разных ситуациях. Вместе с тем одно и то же выражение может наделяться разными смыслами в разных языках, равно как и одни и те же социальные интеракции могут пониматься по-разному в разных контекстах. Соотношение разных систем сопряжения конкретного выражения с конкретным содержанием и понимается как режим "перевода", установленный во взаимодействии двух разных структур.

Как опять же отмечал Лотман, перевод никогда не бывает абсолютным, так как поскольку системы разные, их структурная композиция всегда отличается одна от другой. Это очень часто делает невозможным абсолютно идентичное определение элемента одной структуры через логику различия другой¹⁷. Так перевод терминов, обозначающих отношения дружбы с русского на английский, представляет собой наглядный пример подобного условно-адекватного перевода. В русском языке существуют три позиции обозначения дружбы: "друг", "приятель" и "знакомый". В английском явно выделяются только две позиции: "friend" и "acquaintance". Различия между "приятелем" и "другом" на английский, в принципе, однозначно непередаваемы ввиду ассиметричности отношений дружбы в русском и "двухуровневой" - в английском языке.

Невозможность полного перевода значений одной системы на "язык" другой ведет к тому, что наличие другой системы становится потенциальным *логическим раздражителем* первой, поскольку она предлагает иные значения для одних и тех же элементов, равно как и иные смыслы известных значений. Так, один и тот же человек может быть в одном языке ранжирован как "друг" - высшая позиция в иерархии дружеских отношений, а в другом как "приятель" - промежуточная позиция между "другом" и "знакомым". Вместе с тем "быть другом" для одного может соотноситься с людьми, которые для второго, при равной близости отношений, "друзьями" в строгом смысле этого слова не являются.

Конфликт двух языков, невозможность их полного соответствия в определении одних и тех же объектов - основа для формирования антагонизма. Условно-адекватный перевод "языка" одной системы на "язык" другой порождает область *иррегулярности*, где объекты теряют свою ярко выраженную системную идентичность и приобретают характер плавающих элементов. Эта зона иррегулярности не вписывается ни в рамки переводимого языка, ни в рамки языка переводящего.

Так, например, перевод системы различий между русскими "друг", "приятель" и "знакомый" осуществляется как соответственно "genuine friend", "friend" и "acquaintance". Перевод слова друг как "genuine friend" (genuine - искренний, настоящий) привносит категорию искренности, которая абсолютно отсутствует в русском языке. Друг не может быть неискренним, ненастоящим. Однажды став ненастоящим, он перестаёт быть другом. Новый смысл, не объясненный ни в рамках переводимой, ни в рамках переводящей системы, и есть область иррегулярности, порождаемая условно-адекватным переводом.

Что касается взаимодействия социальных систем, зона иррегулярности, возникающая в результате условно-адекватного перевода, ближе всего соответствует понятию *маргинальность*, рассматриваемому как социальную область, не включенную ни в одну из актуализируемых системных связей. В качестве примера подобной социальной области можно привести казачество на ранних этапах его истории. Возникнув в процессе взаимодействия оседло-земледельческой Руси и степных кочевых культур, казачество в XV-XVI вв. представляло собой фронтальное сообщество, выключенное из системных образований обоих партнеров этого культурного диалога¹⁸.

Помимо казачества, наглядными примерами зоны социальной иррегулярности являются разного рода маргиналы, родившиеся в диалоге советского общества с Западом. "Неформальная молодежь", возникшая в результате перевода со-

общений Западной молодежной культуры на “язык” советского общества; диссиденты, трансформирующие либеральные ценности в Советском Союзе; “спекулянты”, порожденные вторжением смыслов рыночной экономики в плановое социалистическое хозяйство, и т.д.

Разрастание зоны социальной иррегулярности ведёт к размыванию системной границы и потере идентичности системы как целого с неминуемой последующей потерей структурных связей системы. При множественном переводе количество новых сообщений постоянно увеличивается, что приводит к “вымыванию” множества объектов из области системных отношений в разрастающуюся зону иррегулярности. Полная или частичная, но существенная, потеря ясности определения системных позиций ведет к *взрыву* – радикальному изменению идентичности системы. Когда система оказывается не в состоянии описать необходимое множество объектов, актуальность такой системы пропадает. Она становится не нужна и отбрасывается как “устаревшая”. В истории подобные взрывы случаются постоянно. К ним Лотман относит Крещение Руси, Петровскую реформу, Октябрьскую революцию, Перестройку.

Взрывы представляют собой ситуацию, где размывание границы между разными системами ведет не только к потере идентичности *Другого* как иного, отличного, но и приводит к самоуничтожению *своей* системы как таковой. Именно эта невозможность существования одной системы, без взаимоопределяющих связей иных структурных образований, и отмечалась Лотманом, когда он говорил о том, что организация как таковая возможна только тогда, когда есть как минимум две коммуницирующие системы. Самоуничтожение системы при разрушении диалоговой пары происходит в момент *промежутка*¹⁹, который определяется как период, когда старые связи различия и осмысления объектов уже отброшены, а новые еще не созданы. В терминологии Лотмана – “когда слова не имеют смысла, а смыслы не выражены словами”²⁰.

Именно в момент такого промежутка случается наибольшее количество социального насилия и возникает наивысшее напряжение в обществе, поскольку система, сдерживающая насилие, вписывающая его в кодекс правил и норм, будь то система наказания, фактор гарантированного взаимного уничтожения или система моральных сдерживаний, перестаёт функционировать.

В связи с этим кажется вполне актуальным предложить тезис о том, что конструирование *Другого*, описание логического противоречия языковыми средствами Своей системы в момент промежутка является не столько негативным процессом создания Врага, сколько естественным и органическим способом поддержания работоспособности социальной системы, пресекающей само-

убийственные тенденции социальной напряженности.

Конструирование социального антагонизма, понимаемое как определение того, чем система не является, и во многом того, чему система противостоит (другими словами – другой системы), ведет к установлению осмысленных и структурных отношений между элементами, включёнными в свою систему. В противном случае, вместо макроантагонизма, выраженного в противостоянии двух социальных систем, как, например, коммунизма и капитализма, мы получаем множественные нерегулируемые антагонизмы, неизбежно возникающие в ответ на требование преодоления дискурсивного хаоса некогда организованной целостности. Логические противоречия между элементами разрушившейся системы ведут к проведению множественных социальных границ, рвущих на части некогда единое сообщество. Обострения отношений между микросистемными образованиями, противопоставляющими себя друг другу, имеют гораздо большую тенденцию к физическому замещению одной системы другим смыслопорождающим механизмом, так как вновь образованные партикулярные дискурсы оказываются гораздо более уязвимыми перед угрозой физического уничтожения их носителей или их вытеснения из зоны актуального информационного циркулирования.

Антагонизм не статичен и любая дуальная системная организация неизбежно логически сама себя преодолевает, однако брошенный на произвол момент промежутка, попытка “жить без врага” ведет не к установлению “мира всеобщего благоденствия”, а, напротив, порождает ещё больше врагов, причём там, где их раньше не было. Вспышка межнациональной, межрегиональной розни на территории бывшего Советского Союза и стран Восточного блока, неконтролируемое применение силы странами НАТО, ставшие реалиями нашей жизни после распада СССР и прекращения противостояния двух социальных систем, являются наглядными примерами именно такого развития событий.

Абсолютный антагонизм, разрешающий все проблемы системной организации общества, конечно, недостижим и представленное исследование показывает почему, но его конструирование, идентификация и описание *Другого*, проведение границы и движение к дуальному разведению дискурсивного поля являются необходимым условием минимизации множественных неконтролируемых социальных напряженностей. В связи с этим хочется выдвинуть уже не кажущийся таким парадоксальным лозунг борьбы с социальным насилием и конфликтами в обществе, задержавшемся в состоянии “взрывной” эйфории утопии “мира без границ”: вперёд - к новому антагонизму!

Примечание

- ¹ Основные тезисы данной работы были представлены на конференции "Векторы развития современной России", проводимой Московской Высшей Школой Социальных и Экономических Наук, 19-20 апреля 2002 г.
- ² См. определение антагонизма в Современной энциклопедии и Большом энциклопедическом словаре как "противоречие, характеризующееся острой борьбой враждебных сил, тенденций".
- ³ E. Laclau and Ch. Mouffe, *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a radical Democratic Politics*, London: Verso, 1985.
- ⁴ R. Dahrendorf, *Class and Class Conflict in industrial Society*, London: Routledge & Kegan Paul, 1959; *The modern Social Conflict: an Essay on the olitics of Liberty*, London: Weidenfield & Nicolson, 1998; E. Wolf, *Peasant Wars in Twentieth Century*, London: Faber & Faber, 1971.
- ⁵ E. Laclau and Ch. Mouffe, *Hegemony and Socialist Strategy*, p. 125.
- ⁶ L. Colletti, 'Marxism and the Dialectic', *New Left Review*, September / October 1975, no. 93, pp. 3-29; and *Tramonto dell'ideologia*, pp. 87-161.
- ⁷ E. Laclau and Ch. Mouffe, *Hegemony and Socialist Strategy*, pp. 124-125.
- ⁸ Данная дискуссия слишком широка, чтобы даже вкратце описать её в данной работе, позволим себе сослаться на ряд работ, дающих общий обзор современных теорий дискурса: D. Howarth, *Discourse*, Buckingham: Open University Press, 2000; E. Laclau, "Discourse" in R. Goodin and P. Pettit (eds.) *A Companion to Contemporary Political Philosophy*, Blackwell, 1993, pp. 430-437.
- ⁹ F. De Saussure, *Course in General Linguistics*, London: Duckworth, 1983.
- ¹⁰ M. Foucault, *The Archaeology of Knowledge*, London: Tavistock, 1972, 'The Order of Discourse' in R. Young (ed.) *Uniting the Text. A Post-Structuralist Reader*, London: Routledge and Kegan Paul, 1981.
- ¹¹ Термины "содержание" и "выражение" заимствованы из работ Михаила Бахтина (М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1979), понятия "означающее" и "означаемое" употребляются в значении, определенном в работах по структурной лингвистике (F. De Saussure, *Course in General Linguistics*) и семиотике (Ю. Лотман, *Анализ поэтического текста*. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972).
- ¹² Термины Соссюра.
- ¹³ E. Laclau and Ch. Mouffe, *Hegemony and Socialist Strategy*, p. 145; H. Dreyfus and P. Rabinow, *Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*, Brighton: Harvester, pp. 65-66; D. Howarth, *Discourse*, pp. 64-65.
- ¹⁴ M. Foucault, *The Birth of the Clinic: An Archaeology of Medical Perception*, London: Tavistock, 1973.
- ¹⁵ Невозможность здесь подразумевает не только экзистенциальную невозможность, но и невозможность изучения методами социальных наук. В любом случае социальный исследователь не может рассчитывать на осмысление этого системного ничто. Можно определить социальную систему в отношении различия, допустим с геологической системой, но для того, чтобы провести ясную границу, исследователь должен быть равнообразован как в вопросах общества, так и в вопросах геологии, что при современном узком разделении научных дисциплин, наверное, вряд ли возможно.
- ¹⁶ См.: Ю. М. Лотман. *Культура и взрыв*, М.: Гнозис, 1992.
- ¹⁷ См.: Ю. М. Лотман. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Ю. Лотман, *Избранные статьи в 3-х томах*. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 110-120.
- ¹⁸ Интересно, что Лотман так же приводит взаимодействие Руси со степью в качестве примера культурного диалога. См. Ю. М. Лотман. *Понятие границы* // Ю. М. Лотман. *Семиясфера*. СПб.: Искусство-СПб., 2001. С. 262.
- ¹⁹ Термин, предложенный Тыняновым и разработанный Лотманом, соответствует англоязычному концепту "gap", активно используемому Лаклау (E. Laclau and L. Zac, 'Minding the Gap: The Subject of Politics' in E. Laclau (ed.) *Making of Political Identities*, London: Verso, 1994).

Ivan Gololobov

Constructon of Antagonism as the Way of Fighting Social Tensions

The paper is devoted to the problem of social antagonism and its role in restricting of social violence. Drawing on the ideas of Ernesto Laclau and Chantal Mouffe, and employing the debates held within the Moscow-Tartu Semiotic School the author argues that social antagonism is a profoundly positive instrument in combating social tensions. This conclusion appears to be grounded by the analysis of principles of systematic organisation of society and the role of the Other for the constitution of intelligible society which is assumed to be the only environment of adequate restricting and reducing tensions within the society. The author argues for the denial of the very idea of happy non-antagonistic society and stands for the recognition of antagonism as the only way of constructing the system preventing the 'state of nature' governed by the right of the might.

